

Гиперчувствительная натура поэта предчувствует беду задолго до того, как она начнётся в реальности. Читая книгу «На языке врага», понимаешь, что война в поэзии Кабанова начинает звучать намного раньше реальных событий. Неизъяснимая тревога проступает даже сквозь строки Кабанова 90-го года, когда ещё существовал СССР. Поэт «чует гблкую шаткость опор». На «гибридную» войну новейшего времени у Кабанова приписана гибридная стилистика, с активным использованием центонов и мировой мифологии. В сборнике «На языке врага» много стихов, являющихся одними из лучших у данного автора. Мастерство составителя – умение преподносить лучшие свои стихи каждый раз с новой концепцией. «Отплывающим», «Курение джа», «Мосты», «Говорят, что смерть боится щекотки...». Конечно, все стихи из новой книги по-своему интересны. Крушение общественных идеалов и веры в справедливое обустройство жизни приводит Александра Кабанова к «тотальному» повествованию, когда невозможно развязать букет эмоций: плачет ли автор, негодует ли, или может быть, подтрунивает. Мне представляется, что всё это в стихах есть, и переживается букетом эмоций одновременно, одномоментно. Как доминантсептаккорда. Стиль Александра тяготеет к мифу, сторреализму, фэнтези. Однако, в сравнении с предыдущими книгами Кабанова, в «Языке врага» поэт чаще прибегает к прямой речи. Боль больше не желает рядиться в одежды метафор. К текстам книги есть преамбула, не вызывающая сомнений в намерениях автора: «Язык не виноват. Всегда виноваты люди». В обычной жизни Александр – простой, доступный человек, который любит поговорить обо всём на свете, о чём обычно говорят между собой мужчины. Публично выступать на сцене со стихами он не любит. И, складывается впечатление, много времени своим стихам не уделяет. Зато у него есть несомненный дар, ниспосланный свыше.

Одной из самых привлекательных черт поэтики Кабанова является афористичность. Здесь он не уступит, пожалуй, даже Евгению Евтушенко, который очень много работал над афористичностью своей поэзии. Например, читаем у Кабанова: «Феникс – многоцветная птица», «Наш президент распят на шоколадном кресте», «Говорит и показывает Христос». Безусловным достоинством его стихов является то, что лучшие из них легко запоминаются наизусть. Наверное, десятые годы XXI века – не лучшее время для поэзии. Человечество засыпало разного рода дрянью – интернетной, политической и прочей. Но меня не покидает ощущение, что поэт Александр Кабанов разговаривает на равных со своим веком. Ведь «времена не выбирают!» Его стихи дружны с реальной жизнью, однако, как это всегда бывает в искусстве, по-своему её интерпретируют и видоизменяют.

*Чертополох обнимет ангелополоху,
Вонзят в неё колючки и шипы,
Вот так и я – люблю свою эпоху,
И ты, моя эпоха, не шипи.*

Кабанов – из плеяды «хулиганов». Помните, у Гафта: «Горит на небе новая звезда. Её зажгли, конечно, хулиганы». Творчество Александра Кабанова знают и любят известные люди из мира искусства: Юрий Шевчук, Станислав Сададьский, Андрей Макаревич, Захар Прилепин. Люди разных взглядов и убеждений, список далеко не полный. Скажи мне, кто тебя читает, и я скажу тебе, кто ты. Ясно одно: стихи Кабанова настолько прочно вошли в обиход творческой интеллигенции русского безрубья, что стали непосредственными участниками нашей жизни.

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ БОРИСА БЕРЛИНА

(Борис Берлин, Цимес. Рассказы. Серия «Самое время». – М., Время, 2018)

Книга Бориса Берлина «Цимес» состоит из 15-ти объёмных рассказов, достаточно длинных, с ветвящимися сюжетами. Можно даже назвать их маленькими повестями – по масштабу повествования, по яркости и многообразию характеров. Действие нескольких рассказов протекает в Италии. Во многих рассказах Бориса Берлина фигурируют животные. У меня есть ощущение, что это не случайно. Автор, видимо, накопил немалый личный опыт в общении с собаками и кошками. В рассказе «Повелитель ос» появляется почти необъяснимая мистика – собака, Бинго... жертвует собой, чтобы люди были счастливы. Порой любовь животного к человеку даже сильнее любви человека к человеку. В рассказе «Повелитель ос» собака полюбила сразу двоих, мужчину и женщину. Она ощущала их как единое существо. Одного хозяина. В этой удивительной повести любовь поэта и его Бусинки живёт не только в них самих. Она

экранирует и в стихах, которые пишутся во время разлуки, и в сердце Бинго. Борис Берлин словно бы подводит нас, читателей, к удивительному открытию: счастливое в нас – не идеально. Идеальны стихи. Идеальна любовь собаки. По отношению к своему человеку собака – ангел. А в рассказе «Соло для канарейки» канарейка невольно «решает» судьбу людей. Улетит – и не видать им счастья. Останется – и всё возможно. Это какой-то мистический мир – симбиоз людей и животных.

Для Бориса Берлина очень важен внутренний мир его героев. Он доводит до нас их мысли и чаянья, каждого по отдельности. Раскрывается даже внутренний мир животных и птиц. В этом есть своё ноу-хау – автор артистично и аристократично регулирует эти внутренние монологи. Сюжет не должен потерять свою динамику. У героев ББ – многоступенчатые, «многоэтажные» судьбы. С изломами, отнесенностью счастья. Не обязательно кто-то предаёт, «изгоняя» спутника из любви. Любовные бермудские треугольники, на мой взгляд, не очень интересуют Бориса Берлина. Внезапная смерть, неизлечимая болезнь, тяжёлое ранение – вот что рушит мир героев ББ. А ещё в рассказах ББ часто случается «любовь после любви». И, как правило, первое чувство побеждает последующие. Новые чувства – часто «вынужденные», спровоцированные предыдущими потерями. «Вот и встретились два одиночества», – как пел в популярной песне Вахтанг Кикабидзе. А костру разгораться и хочется, да уже не всегда может.

Порой в рассказах Берлина появляется зеркальность, отражение одного героя в другом. *Там твоим аси* – «ты – это я». Каждый – кузнечик своего маленького счастья. Или – несчастья. Как читатель, я проживаю с героями ББ маленькую жизнь. Его герои не только чувственны, но и деликатны. Большое достоинство писателя – деликатность его героев там, где она, казалось бы, невозможна – в любви, где у каждого героя – свои интересы. Как стройны и в то же время запутанны сюжетные линии рассказов Бориса! Самая прочная на свете привязанность очень уязвима. Достаточно одного неосторожного слова, чтобы счастье взаимной любви внезапно и необратимо оборвалось. У ББ потеря счастья тождественна смерти, даже если герой/героиня не умирает на самом деле. Всё происходит рядом, боль приносят самые близкие люди.

Борис Берлин побуждает героев и читателей «проходить через ноль – это фраза из повести «Кузнечик в кулаке». Осознавать заново жизненные ценности. На мой взгляд, «Кузнечик» – это послание всем нам, жителям планеты Земля. Борис Берлин повествует о глубочайшем. Об отказе от любви именем любви. Поступок Наташи из этого рассказа достоин отдельного упоминания. Молодая девушка, фактически отбив мужчину у соперницы, которая годится ей в матери... добровольно отказывается от любимого... ради платонической любви к своей сопернице-подруге. Это неслыханно. Это неожиданно. Рита смотрит в Наташу, как в своё зеркало. «Вгляжусь в тебя, как в зеркало, до головокруженья». «Может я это, только моложе. Не всегда мы себя узнаем». И что-то она сумела передать девушке настолько ценное, что та изменилась. Конечно, не сразу. Но постепенно она перестаёт быть безапелляционной перфекционисткой.

Личность растёт духовными усилиями. Женщине в этом плане, может быть, даже сложнее, чем мужчине. Особенно если речь идёт об отказе от любимого человека. Здесь, на мой взгляд, у писателя непроизвольно возникает толстовское начало – непротивление счастью других людей «насилием». Уступить, чтобы обрести себя. Это не просто деликатность. Это гиперделикатность. Это тонкость чувств – в квадрате. Это способность озиаться вокруг себя на 360 градусов. Берёшь любой рассказ Берлина – а там целая вселенная. Его трагедии оптимистичны. На пепле утраты рождается феникс – настоящая, ни с чем не сравнимая любовь. И, когда поступок такого духовного уровня не получает в жизни награды... нам непонятно, почему героиня, оказавшаяся способной на маленький подвиг, погибает. Такие люди должны жить и жить! Но у ББ во многих рассказах прослеживается одна простая, но чёткая мысль. Чтобы счастье влюблённых состоялось, кто-то должен пожертвовать своими интересами, а то и самой жизнью. Как ни парадоксально это прозвучит, алтарь победы требует порой крови невинных жертв. Иногда у Берлина жертвуют собой ради любимых хозяев домашние животные и даже птицы. Большой писатель всегда стремится к жизненной правде. Он не связан по рукам и ногам необходимостью потрафить читателю хэппи-эндом. Он понимает подспудно, что именно гибель героя способна вызвать катарсис. Особенно если его гибель – несправедлива. Судьба человека не детерминирована его плохим или хорошим поведением. Этику сложно пришить к судьбе белыми нитками.

При чтении любой книги важен резонанс между книгой и читателем. Можно читать философию Канта – и ничего не понять. А можно читать прозу Берлина и открывать для себя удивительные вещи. Если читатель не готов, он и Библию не осилит. Заложённых в книге возможностей недостаточно без интеллектуальных усилий того, кто читает. У Берлина – «всестороннее повествование». Его герои говорят от первого лица. В книге «Цимес» есть «итальянские» рассказы, в которых герои словно бы путешествуют во времени. То, что происходит в эпоху Возрождения, аукается в других людях уже в наши дни. И герои

наших дней чувствуют себя реинкарнацией великих людей прошлых столетий. Глубокие, парадоксальные, корнями уходящие в «подземную» жизнь души рассказы Бориса Берлина привлекают читателей тем, что здесь присутствуют и судьба, и психология, и философия, и, конечно, поэзия. Рассказы Берлина близки нам тем, что мы тоже любим, бодем и страдаем. Объём бытия вырастает из жизненной ситуации, и в прозе это особенно очевидно. Любовь у Бориса Берлина – это не только земное счастье. Это – шаткое равновесие, винтовая лестница в небо. В немаленьком перечне разнообразных работ ББ рассказ «Точка глубокой грусти», на мой взгляд, выделяется особой глубиной и эмоциональностью. Тяжёлый рок событий, не стесняясь, атакует даже свершившиеся и устоявшиеся чувства. Счастье словно бы раскачивается на качелях, дрейфует оторвавшейся льдиной среди огромных айсбергов.

Точка глубокой грусти – это одновременно и метафора, и медицинский термин, правда, не очень широко распространённый. У каждого человека есть своя точка G, генерирующая наслаждение. И есть её противоположность – «точка глубокой грусти». Жизнь выступает по отношению ко всему живому как трансформер. Иногда эта трансформация проходит незаметно для самого человека. Любовь тоже склонна к метаморфозам. Она расковывает и выковывает человека, открывает ему самого себя. А вдруг болезнь? Будет ли тот, кто здоров, добрым товарищем тому, кто болен? Будет ли тот, кто болен, терпеть здорового, сознавая, что является ему обузой? По-разному бывает. Любое испытание – проверка любви на прочность, на взаимность, на жертвенность. «Песнь Песней» – эта библейская работа Соломона часто приходит мне на ум, когда я читаю Бориса Берлина. Любовь у ББ – подвижная, как ртуть, как Психея. Она – сила, достоинство и нежность. Невозможность сдаться и потерпеть поражение. Это – космос внутри человека. Целая вселенная, где тебя подстерегают не только млечные пути, но и чёрные дыры. ББ вывел свою любовь в открытый им самим космос. По эмоциональной силе воздействия «Точка глубокой грусти», на мой взгляд, не уступит знаменитому романсу из спектакля «Юнона и Авось» «Ты меня на рассвете разбудишь». Хотя, конечно, такое сравнение субъективно и не совсем корректно.

Объём жизни в рассказах Берлина – часто ситуативный. Но мастерство писателя заключается в том, что его персонажи постоянно говорят от первого лица «онлайн». Это, в сущности, монологи, переплетение которых образует двухголосную, а иногда и многоголосную фугу. Такая подача делает прозу ББ близкой кинематографу. Как вы, наверное, помните, первым в русской литературе этот приём применил Михаил Лермонтов в «Герое нашего времени». Я убеждён, что прозаики почерпнули такое видение мира у драматургов. Сейчас, конечно всё заметно ускорилось – и романная жизнь в том числе.

Рассказ «Точка глубокой грусти» написан очень мощно. Это – словно обрывки дневников двух любящих, которые начинаются с произвольно взятого слова. То ли бумага от времени истлела, то ли так почему-то записалось. А ещё – у меня возникает ощущение, будто эти дневники столетиями плавали в закупоренной бутылке по океану – как послание, как завещание, как истина. На том месте, где герой начинает путать свою любимую с нерождённой дочерью, я уже не могу читать дальше. Я должен остановиться, чтобы побороть нахлынувшие эмоции – или, наоборот, целиком им отдаться. Это – катарсис. Трагедия? Но ведь никто не умирает на страницах рассказа. Наоборот, болезнь на время отступает... К чему же тогда эти слёзы? А ещё я открываю для себя такое разное восприятие мира у двух любящих. Но это не мешает им быть по-своему счастливыми. Поэзия у Бориса Берлина вырастает из жизни и силой слова удерживает жизнь от саморазрушения. Поэзия – это вершина любви и её бессмертие. В жилах тех, кто любит, течёт солнечная кровь. Читаешь книжку Бориса Берлина – и думаешь: это же энциклопедия любви!

*И нельзя долюбить до конца,
И нельзя разлюбить до начала...
Если даже не видно лица,
Сердцу этого призрачно мало!*

«Я САМА СЕБЕ – АПОКРИФ».
АПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ ОЛЬГИ АНДРЕЕВОЙ

(Ольга Андреева, На птичьих правах. – СПб., Алетейя, 2018)

«Я причастна» – признаётся в стихотворении Ольга Андреева. Сопричастность времени, я бы даже сказал SOSпричастность – отличительная черта её лирики. «*Научи меня, Господи, просто, свободно писать, взять стило и писать, позабыв о форматах и стилях...*». Эта молитва поэта многое проясняет в особенностях её лирики. Ей важен, прежде всего, собственный голос, собственный почерк. У неё нет постмодернистского цитирования классиков и современников, которым грешат многие поэты. Всё – своё. Ольга Андреева – ростовчанка. Сейчас это – город, пограничный с Донбассом. Тема войны постоянно возникает в стихах Андреевой. Ольга не просто живёт в Ростове (который на Дону). Она – патриот этого города. Она – голос родного города. Не случайно одна из её предыдущих книг называется «На глобусе Ростова». Мне приходилось бывать в Ростове. И действительно, это неплохое место для творчества. И вот – перед нами новая книга Андреевой. «На птичьих правах» – это название с двойным смыслом. С одной стороны, оно указывает на временность нашего земного прибежища. С другой, мы понимаем, что у каждой птицы есть «право на полёт» – даже у тех, кто летать не может или не хочет. Ольга Андреева словно бы говорит нам об антиэнтропийной сущности жизни. Давайте будем летать! Хотя бы – изредка. Жить надо ярко.

Андреева не всегда стремится к точности и доходчивости своей речи, широко используя слова иноязычные и малоупотребляемые. Зато эта речь – предельно «своя», ни с кем не сравнимая и никого не напоминающая. Хотя и производит порой впечатление «косноязычья». Но почему бы и нет? «Высокое косноязычие тебе даруется, поэт». Оратор так говорить не может. А вот поэт – может запросто! «Девяцни», «сублимации», «капиллярный подсос метафизики из подсознания», «осталось расталкивать пила плечам!»... Таких слов и выражений в поэзии Ольги Андреевой много. Хочется порой спросить автора: а попроще выразиться – слабо? Но стойкого модерниста сложно убедить в достоинствах простоты. Порой герметичность в её текстах возникает по той причине, что она, не договорив одну мысль до конца, тут же начинает говорить новую, которую тоже, естественно, не договаривает. Зато такой стиль письма – очень современен, это так называемое «клиповое» сознание. Есть в книге Андреевой и более прозрачные стихи:

*Твои диктанты всё короче –
 Ты больше стал мне доверять?
 А может, меньше? Между прочим,
 я разучилась повторять
 слова молитвы. Паранойя
 терзает эпигонов власть,
 те, кто спасён в ковчеге Ноя,
 хотят ещё куда попасть,
 да забывают от азарта
 о том, что человек не зверь,
 что золотому миллиарду
 не уберечься от потерь,
 что голодающие дети
 нам не простят своей судьбы,
 и много есть чего на свете,
 что не вмещают наши лбы –
 упрямые от страха смерти
 и робкие от страха жить.
 Не для меня планета вертит
 Твои цветные витражи,
 В мозгу искажены масштабы –
 пыталась верить, не любя,
 а без задания генштаба
 так сложно познавать себя,
 не отвертит Твой гневный окрик
 от эйфории, от нытья,
 и я сама себе апокриф,
 сама себе епитимья,*